

Конвенция о защите прав человека и основных свобод и практика Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе

Антон Бурков

Как ни странно, но даже спустя одиннадцать лет с момента вступления Конвенции в силу в отношении Российской Федерации вопросы о том, каково же место этого международного документа в иерархии источников права в России, какое юридическое значение имеют решения Европейского Суда по правам человека для российских законодателей и судей остаются открытыми. При этом с течением времени споры, видимо, будут лишь обостряться. Насколько можно говорить о непосредственном применении гарантий, установленных Конвенцией, и стандартов, выработанных Европейским Судом, в национальных правовых системах? В статье предлагается один из возможных подходов к данной проблеме, который, хотя и является весьма спорным, заслуживает внимания.

→ *Статус Конвенции, статус практики Европейского Суда, непосредственное применение Конвенции судами, постановления в отношении Российской Федерации*

Вступление России в Совет Европы

В письме Генеральному Секретарю Совета Европы¹ от 6 мая 1992 года Российская Федерация выразила свое желание присоединиться к Совету Европы и намерение соблюдать принципы, закрепленные в статье 3 Устава Совета Европы². На следующий день в процессе обмена мнениями с министрами, посетившими 90-ю сессию Комитета министров 7 мая 1992 года, министр иностранных дел Российской Федерации отметил, что «Россия будет готова, как любое другое государство, присоединиться к организации, ратифицировать европейскую Конвенцию по правам человека», признать право индивидуальных жалоб и обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека, а также выполнять обязательства в соответствии с Конвенцией на всей территории России на всех уровнях ее администрации³. Спустя четыре года, 28 февраля 1996 года, Российская Федерация присоединилась к Уставу Со-

вета Европы без соблюдения всех требований в отношении прав человека, установленных для государств — членов организации. Это произошло, несмотря на выводы специального отчета «Группы выдающихся юристов»⁴, в котором эксперты пришли к заключению, что «правопорядок Российской Федерации в настоящий момент не соответствует стандартам Совета Европы, закрепленным в его Уставе и развитым учреждениями европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод»⁵. Интересно, что аналогичная оценка правовой системе Российской Федерации была дана и самими представителями России. Так, директор Правового департамента Министерства иностранных дел России А. Ходаков в пояснительной записке от 30 января 1996 года по вопросу о подписании Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней отмечал: «На настоящий момент российское законодательство, за исключением Конституции Рос-

сийской Федерации, и правоприменительная практика не в полной мере соответствуют стандартам Совета Европы»⁶.

Вполне естественно, что процесс вступления России в Совет Европы вызвал бурные дебаты в учреждениях Совета Европы относительно пригодности кандидата⁷. Однако не секрет, что дискуссии велись в большинстве своем скорее по поводу политической ценности этого шага для каждой стороны, чем по поводу соответствия уровня защиты прав человека в правовой системе России европейским стандартам. Вступление России в Совет Европы носило политический характер, где права человека оставались на втором плане. Этот вывод с очевидностью следует из стенограмм заседаний в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) и заседаний Государственной Думы Российской Федерации⁸. Ни Совет Европы, ни Россия не рассматривали уровень защиты прав человека в России в качестве аргумента в пользу присоединения. Наоборот, ситуация с соблюдением прав человека была, скорее, аргументом против. Однако, несмотря на это, Россия вступила в Совет Европы и стала одним из самых влиятельных членов организации.

Само стремление России к членству в Совете Европы, безусловно, имело политическую цель: получить доступ к трибуне (доступа к которой нет у США), чтобы продвигать свою внешнюю политику. А если принять во внимание, что в 1949 году Совет Европы был создан как «своего рода социальный и идеологический двойник военного аспекта сотрудничества, представленного Организацией Североатлантического договора... мотивированный частично интересами продвижения европейского единства и частично политического желания солидарности в условиях коммунистической идеологии»⁹, то становится еще более очевидно, что для страны — правопреемницы СССР вступление в Совет Европы являлось стратегической задачей. Не случайно В. П. Лукин, глава делегации Российской Федерации в ПАСЕ в то время, в ходе дебатов в Государственной Думе напомнил, что И. В. Сталин, который все-таки по-своему отстаивал интересы государства, добился того, что Союз ССР вступил в Организацию Объединенных Наций¹⁰. Таким образом, российское «политическое мнение было непосредственно сфокусировано в значительной сте-

пени на национальных интересах России»¹¹. При этом как присоединение СССР к ООН не означало применения норм соответствующих конвенций и пактов по правам человека в национальной правовой системе, так и вступление России в Совет Европы не было нацелено на продвижение защиты прав человека в соответствии с принципами Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Что же касается обязательств по соблюдению прав человека, закрепленных в Заключении ПАСЕ № 193 (1996) от 25 января 1996 года по заявке России на вступление в Совет Европы, то они были восприняты как «рекомендации»¹². Более того, Президент России Борис Ельцин отметил, что «четыре основные конвенции Совета Европы должны быть ратифицированы как можно скорее», но добавил, что «Россия не сможет незамедлительно применить стандарты Совета Европы...»¹³.

В свою очередь со стороны Совета Европы был, видимо, применен принцип «интеграция лучше изоляции; сотрудничество лучше противостояния»¹⁴. Аргументы Совета Европы в пользу присоединения России не были основаны на ее готовности стать государством-членом с точки зрения соблюдения стандартов европейского правопорядка. Они не касались даже предположения, что присоединение поможет реформировать российскую правовую систему и что Россия четко намерена и будет способна в ближайшее время соблюсти условия членства в Совете Европы, несмотря на то что данные условия были отражены в пункте 7 Заключения № 193. Аргументы основывались на предположении, что будет лучше принять Россию, чем оставить ее «за бортом». Дебаты в ПАСЕ по вопросу принятия России продемонстрировали именно такой подход¹⁵. Например, «большинство выступавших в пользу вступления России концентрировались на европейской безопасности и будущем проекта европейского единства, а не на защите прав человека в России»¹⁶. Говорилось о том, что «Россия не может быть отправивший уроки», поскольку «произошел политический Чернобыль, если не примут сегодня Россию». Такие аргументы звучали в пользу вступления России¹⁷.

Если следовать Заключению № 193, то ПАСЕ приняла во внимание не существовав-

ший правовой порядок, а лишь «готовность» Российской Федерации принять на себя обязательство совершить реформы в будущем после вступления в Совет Европы и, в частности, после ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Хотя предостережения относительно того, что это может повлечь проблемы с соблюдением Конвенции в будущем, высказывались. Так, например, говорилось, что, «принимая во внимание отсутствие опыта у России по защите прав человека на уровне национального права, вполне вероятно, что большое число нарушений европейских норм по правам человека будут совершены в России и что внутренние средства защиты не будут эффективными»¹⁸. Но, несмотря на подобные, весьма близкие к истине предупреждения, 5 мая 1998 года Конвенция вступила в силу в отношении Российской Федерации. С этого момента граждане, находящиеся под юрисдикцией Российской Федерации, получили право обжаловать нарушения Конвенции в Европейском Суде по правам человека, но что более важно, они обрели возможность защищать свои права в национальной правовой системе с применением гарантий, закрепленных в Конвенции.

Основная идея международного права по правам человека — «принести права человека домой»¹⁹. Что касается Конвенции, то суть этой идеи представлена в ее статье 1, согласно которой Российская Федерация приняла обязательство обеспечивать «каждому находящемуся под [ее] юрисдикцией права и свободы, определенные в разделе I... Конвенции». Статья 1 обязывает Высокие Договаривающиеся Стороны не просто обеспечивать права человека и основные свободы, но также защищать их и предоставлять средства правовой защиты на национальном уровне²⁰. Однако есть основания полагать, что в России ратификация Конвенции понимается скорее как признание юрисдикции Европейского Суда по правам человека рассматривать жалобы в отношении Российской Федерации. Если же говорить о самих российских гражданах, то для них это означает не что иное, как право «писать в Страсбург», причем право обращаться с жалобой в международный орган, видимо, воспринимается как панацея от нарушений всех прав²¹. В результате даже спустя 13 лет после присоединения к Совету

Европы и 11 лет после ратификации Конвенции Россия уверенно лидирует по числу жалоб, направленных в Европейский Суд по правам человека, причем это число ежегодно увеличивается, что заставляет серьезно задуматься о проблеме непосредственного применения на национальном уровне гарантий, установленных Конвенцией.

Конституция РФ о статусе Конвенции

Прежде всего, необходимо заметить, что процесс принятия России в Совет Европы происходил параллельно с процессом разработки проекта новой российской Конституции, принятой 12 декабря 1993 года, а также важнейших законов. То есть эти акты неизбежно испытывали на себе влияние норм международного права, в том числе и норм Конвенции. Так, например, есть свидетельства того, что все участники Конституционного совещания были снабжены текстами важнейших международно-правовых актов в области прав человека, в том числе и текстом Конвенции. Это позволило соотнести проект соответствующих конституционных установлений с общепризнанными принципами и нормами международного права²².

Что касается статуса в российской правовой системе самих норм международного права в целом и Конвенции в частности, то он определяется Конституцией РФ, рядом законодательных актов, решениями Конституционного Суда РФ и «руководящими разъяснениями», закрепленными в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Однако ключевую роль, несомненно, играет Конституция РФ, в содержании которой можно условно выделить 1) нормы, отражающие принципы защиты прав человека, и 2) нормы, регулирующие применение международного права.

Правозащитные положения Конституции РФ

Как представляется, в соответствии с теми конституционными положениями, которые касаются защиты прав человека, Конвенция может и должна непосредственно применяться в правовой системе России.

Во-первых, статьи 2 и 18 Конституции РФ отражают обязательство, закрепленное в

статье 1 Конвенции: обеспечивать каждому, кто находится под юрисдикцией Российской Федерации, права и свободы²³. Статья 2 устанавливает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». А статья 18 гарантирует непосредственное применение прав и свобод, закрепленных в главе 2 Конституции: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Во-вторых, глава 2 Конституции «Права и свободы человека и гражданина» содержит перечень прав и свобод, защищаемых Конвенцией, поскольку проект Конституции готовился с учетом соответствующих международно-правовых норм. То есть Конституция уже включает конвенционные гарантии (статьи 17–64), которые, согласно самой Конституции, являются непосредственно действующими. Это было отмечено и в исследовании, проведенном «Группой выдающихся юристов» в 1994 году: «Настоящая Конституция... содержит... детальный каталог прав и свобод человека и гражданина. Этот каталог гарантирует традиционные права человека, а также отражает положения международных инструментов по правам человека, включая европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Гарантии прав человека, содержащиеся в Конституции, могут быть применены лицами при обращении в государственные органы или против государственных органов, а также они могут быть применены и должны соблюдаться всеми российскими судами»²⁴.

Положения Конституции РФ о статусе международного права

Конституция РФ 1993 года в части 4 статьи 15 четко устанавливает национальный статус международного права в Российской Федерации: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Феде-

рации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

На наш взгляд, данная конституционная норма устанавливает, в том числе, юридическую силу международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией: не требуется издание национального нормативного акта, включающего нормы международного договора в национальную правовую систему, с тем чтобы судья в конкретном деле применил положения международного права. В соответствии с частью 3 статьи 15 Конституции РФ любые международные договоры становятся частью «российской правовой системы» после ратификации или, если более точно, после официальной публикации закона о ратификации договора²⁵. Так, Конвенция вступила в силу в отношении Российской Федерации после официальной публикации Закона № 54-ФЗ от 30 марта 1998 года «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод» в «Российской газете»²⁶ и сдачи на хранение Генеральному секретарю Совета Европы (пункт 3 статьи 59 Конвенции).

Этот принцип непосредственного применения норм международного права был позитивно оценен учеными, по мнению которых «впервые в российской истории отношения между международным правом и национальной системой права закреплены в Конституции и в соответствии с современными стандартами»²⁷, а сама Конституция РФ, как и другие конституции стран СНГ, представляет собой «важный шаг в сторону широкого применения международного права в национальной правовой системе этих государств»²⁸.

Особое значение имеет то, что принцип непосредственного применения норм международного права закреплен в главе 1 Конституции «Основы конституционного строя». Такое местоположение в конституционной системе означает, во-первых, что ни одна норма Конституции, не говоря уже про другие правовые акты, не может противоречить части 4 статьи 15 Конституции²⁹, а во-вторых, что данный принцип относится к числу неизменных, поскольку любые изменения положений глав 1, 2, 9 влекут пересмотр Конституции, предполагающий созыв Конституционного Собрания, а возможно, и проведение референдума.

Здесь необходимо также обратить внимание на то, что термин «российская правовая система», использованный в части 4 статьи 15 Конституции РФ, значительно шире, чем термин «российское законодательство». Первый, как более общий феномен, включает в себя последний, а также российскую юридическую практику (практику судебных и административных органов) и юридическую доктрину. С. Ю. Марочкин определил понятие «российская правовая система» следующим образом: «Правовая система РФ представляется как комплекс всех явлений правовой действительности — не только внутригосударственных, но и связанных с МП. Она включает правовые нормы, действующие в стране (право РФ, а также нормы МП и иностранного права с санкции государства), правовую деятельность (деятельность всех органов, учреждений и иных субъектов по созданию и/или реализации действующих в стране правовых норм) и правовые идеи, представления, теории, взгляды, доктрины (правосознание в широком смысле слова)»³⁰. Важность определения термина «российская правовая система» состоит в том, что Конституция, по всей видимости, признает, что влияния международного права только на законодательство недостаточно. Ратифицированные международные договоры должны учитываться в процессе разработки законопроектов. Доктрина также должна испытывать влияние норм международного права. Но самое главное, чтобы применение законодательства органами исполнительной власти и судами соответствовало международным договорам, ратифицированным Российской Федерацией. Часть 4 статьи 15 Конституции РФ следует применять с учетом других конституционных норм, в частности части 3 статьи 46, которая также косвенно предписывает, чтобы международные принципы прав человека соблюдались в первую очередь на национальном уровне: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты».

Между тем вопрос иерархического положения Конвенции в системе источников российского права пока ожидает своего решения в судебной практике национального или меж-

дународного уровня. Второе предложение части 4 статьи 15 Конституции РФ помещает нормы международного права на уровень законов с приоритетом международных договоров в случае конфликта норм национального и международного права³¹. Термин «закон», используемый в данном случае, может означать один из следующих законодательных актов: Конституция РФ (как Основной закон государства), федеральный конституционный закон или федеральный закон. Если на вершине пирамиды стоит Конституция, за ней следуют федеральные конституционные, а затем федеральные законы, то каково же тогда место Конвенции? Бесспорным является приоритет Конвенции над федеральными законами, чего нельзя однозначно сказать в отношении федеральных конституционных законов и Конституции РФ. Все эти нормативные акты имеют различную процедуру принятия и различный статус в национальной правовой системе. В юридической доктрине, определяя национальный статус норм международных договоров, ученые, как правило, не останавливаются на различиях между федеральным конституционным законом и федеральным законом. В то же время существует мнение, что Конвенция не обладает приоритетом над конституционными законами: «В связи с тем, что Конституция, как правило, четко упоминает “конституционные законы” в других статьях, отсутствие упоминания таковых в части 4 статьи 15 можно толковать как отсутствие приоритета договорных норм над нормами “конституционных законов”»³².

Относительно противоречия норм Конституции нормам международного права в юридической литературе есть предположение, что на основании части 1 статьи 17 Конституции³³ международные нормы по правам человека либо обладают приоритетом над положениями Конституции³⁴, либо равны им по статусу³⁵. Хотя есть специалисты, которые считают данную идею «очень смелым предположением, которое на сегодня не нашло своего подтверждения в судебной практике»³⁶. Положение статьи 22 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»³⁷ предполагает, что международные нормы по правам человека не обладают приоритетом над нормами Конституции. В соответствии с этим положением в случае, когда

договоры содержат правила, которые требуют внесения изменений в Конституцию, соответствующие изменения в Конституцию должны быть внесены до ратификации договора³⁸.

Как представляется, точно определить статус Конвенции только на основании положений Конституции РФ и законодательства без обращения к судебной практике невозможно. На сегодняшний день такая практика не выработана. Есть практика Конституционного Суда РФ относительно выявления смысла части 4 статьи 15 Конституции РФ, однако постановлений, в которых решался бы вопрос иерархии между Конституцией и Конвенцией, пока нет. Но вполне вероятно, что дело, которое потребует установить статус Конвенции, может появиться в ближайшее время. Так, например, часть 3 статьи 32 Конституции РФ устанавливает: «Не имеют права избирать и быть избранными граждане... содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда». В деле Хёрст против Великобритании³⁹ Европейский Суд по правам человека постановил, что «автоматический и безоговорочный запрет не служит какой-либо законной цели по Конвенции и, в любом случае, несоразмерен какой бы то ни было преследуемой цели»⁴⁰, нарушает статью 3 Протокола № 1 к Конвенции⁴¹. При существующем в Российской Федерации запрете ни Конституция, ни законодательство, ни доктрина не устанавливают какого-либо логического оправдания действующего абсолютного запрета⁴². Будущие дела в Конституционном Суде РФ или в Европейском Суде, вероятно, дадут ответ на вопрос, обладает ли Конвенция более высоким иерархическим статусом, чем Конституция, а также о возможном пути разрешения конфликта между положениями Конституции и Конвенции.

Как было продемонстрировано выше, в соответствии с Конституцией РФ Конвенция, даже при наличии различных подходов, составляет часть правовой системы России и ее национальный статус выше, чем у любого другого федерального или даже федерального конституционного закона. А вот вопрос относительно статуса практики Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе решить однозначно весьма затруднительно, поскольку Конституция ничего не говорит о решениях международных орга-

нов (трибуналов), созданных соответствующими международными договорами. Однако попытаться как-то восполнить данный пробел все-таки возможно.

Российская юридическая наука о статусе практики Европейского Суда

В российской юридической науке существуют различные точки зрения относительно статуса практики Европейского Суда по правам человека. Так, одни специалисты считают, что из содержания части 4 статьи 15 Конституции РФ следует, что практика Суда должна учитываться при применении Конвенции. «В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции 1993 года возможно не только применить правила договоров в национальных судах, но также основываться на толковании таких договоров международными органами. Как следствие этого, принимая во внимание тот факт, что Россия ратифицировала европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, не имеется препятствий для внутрисударственного использования толкования Конвенции Европейским Судом по правам человека. Прецедентная практика Европейского Суда, таким образом, может быть постепенно трансформирована в российскую судебную практику»⁴³.

По мнению других ученых, следует дифференцировать постановления по юридической силе. Юридически обязательными для Российской Федерации являются только те постановления Европейского Суда, которые были вынесены в отношении России, остальные же постановления «должны учитываться», но не имеют для России обязательного характера. При этом указывается, что «решения Европейского Суда по делам с участием России, содержащие толкование положений Конвенции, не просто должны учитываться судами, они для них обязательны... Что касается остальных решений Европейского Суда, то здесь более уместен термин «учитываются», поскольку формально решения Европейского Суда обязательны только для сторон, однако подходы, концепции и критерии, выработанные Судом по одному делу, используются им при разрешении последующих аналогичных дел...»⁴⁴. Данная позиция нашла свое отражение и в отчете 1998 года «Европейская Конвенция о защите прав человека и

основных свобод и законодательство и право-применительная практика Российской Федерации (сравнительный анализ)», где говорится следующее: «...формально и безусловно обязательными для Российского государства являются только решения, вынесенные по делам, в которых РФ является стороной... Судебный прецедент может служить индикативным образцом толкования нормативного правового акта, не обязательным, но достаточно авторитетным... Строго юридически Российское государство и его органы, включая суд, не обязаны следовать созданному ЕСПЧ прецеденту. Однако, если они не будут принимать во внимание то, каким образом позитивная норма Конвенции и Протоколов истолкована в ЕСПЧ, и его указания о путях ее реализации, они рискуют натолкнуться в случае рассмотрения поданной против РФ конкретной жалобы с осуждением со стороны контрольных органов Конвенции по мотивам и основаниям, которые уже были использованы или применены в аналогичных или схожих делах»⁴⁵.

Но есть и те, кто придерживается консервативной точки зрения, считая, что Европейский Суд по правам человека не создает правовых норм. А «если даже предположить, что Европейский Суд по правам человека создаст правовые нормы, то последние не являются обязательными для государств — участников Конвенции»⁴⁶. Такое утверждение имеет в своей основе идею, согласно которой суверенные государства могут быть связанными только текстом договора, ратифицированного ими, и что международно-правовые нормы могут быть созданы только субъектами международного права, которыми являются только независимые государства. То есть фактически речь идет о принципе взаимности (*reciprocity principle* — англ.).

Относительно данной точки зрения необходимо заметить, что с момента вступления в силу Конвенции, чья «природа, как инструмента, направленного на установление общественного порядка (*ordre public* — фр.), определенная предметом Конвенции, состоит в защите основных прав»⁴⁷, классический принцип взаимности более не применяется в европейском праве по правам человека. По этому вопросу пришли к соглашению и в европейской доктрине⁴⁸, и в прецедентной практике Европейского Суда еще в 1960-е годы.

В 1961 году Суд в своем решении относительно приемлемости дела Австрия против Италии по жалобе № 788/60, на основании анализа Устава Совета Европы и преамбулы Конвенции пришел к выводу, что «цель ратификации Конвенции Высокими Договаривающимися Сторонами не в том, чтобы уступить друг другу взаимные права и обязанности, достигая свои индивидуальные национальные интересы, а чтобы реализовать намерения и идеи Совета Европы, закрепленные в Уставе, и установить общий общественный порядок свободных европейских демократий с целью защиты их общего наследия политических традиций, идей, свободы и законности»⁴⁹.

Что касается дифференциации постановлений, вынесенных в отношении Российской Федерации и в отношении других государств, то формально наиболее обоснованным выглядит подход, согласно которому только постановления в отношении Российской Федерации являются для нее юридически обязательными. Во-первых, если даже сам Европейский Суд не связан своими решениями, то ими не должна быть связана и Россия. Во-вторых, если пункт 1 статьи 46 Конвенции устанавливает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами», то нет оснований требовать от российских судов соблюдения принципов, изложенных в постановлениях Европейского Суда, вынесенных не в отношении Российской Федерации. Однако вопрос в том, насколько далеко Россия готова пойти в признании статуса толкования Конвенции, которое дает Европейский Суд по правам человека.

Как представляется, применение подхода, согласно которому российские власти обязаны соблюдать только саму Конвенцию и постановления в отношении России, нецелесообразно. То есть игнорирование практики Европейского Суда в отношении других государств не является нелогичным или противоречащим Конвенции, однако это нецелесообразно. Есть достаточно веские практические причины для того, чтобы предписать российским судам следовать не только нормам самой Конвенции, но и толкованию, которое дает ей Европейский Суд, причем не только в постановлениях в отношении России, а во всех постановлениях.

В действительности невозможно определить смысл правовой нормы, содержащейся в Конвенции, и спрогнозировать, какое постановление вынесет Суд, если дело, касающееся нарушения данной нормы, поступит из России, лишь на основании текста Конвенции и постановлений по делам, в которых Россия являлась стороной. Прецедентная практика Европейского Суда по применению Конвенции начала формироваться задолго до того, как Российская Федерация присоединилась к Совету Европы и ратифицировала Конвенцию. Правовые принципы, содержащиеся в постановлениях и решениях, вынесенных в отношении России, представляют собой далеко не полный каталог правовых позиций, выработанных Судом. Более того, постановления в отношении России основаны на ранее вынесенных постановлениях Европейского Суда и Европейской Комиссии по правам человека против других государств — участников Конвенции. Если Российская Федерация признает только принципы, отраженные в решениях по жалобам против нее, и не признает остальную прецедентную практику, то в тех сферах, где постановления в отношении Российской Федерации отсутствуют, она будет иметь дело только с текстом Конвенции. Однако, как хорошо известно, из самого текста Конвенции можно уяснить немного.

Феномен Конвенции состоит в том, что она представляет собой «живой инструмент», который должен пониматься в свете современных условий (дело Тайер против Соединенного Королевства⁵⁰ и последующая прецедентная практика⁵¹). Значение конкретных конвенционных положений постоянно развивается: «...гарантии Конвенции, как они понимаются Судом, развиваются. Суд неоднократно подтверждал, что Конвенция должна толковаться в динамичной манере, принимая во внимание развитие общества. Так как общество меняется, согласованные 50 лет назад конвенционные права и свободы должны пониматься и применяться в новом свете. Недавний пример — дело ООО Паеффген против Германии [*Paeffgen GmbH v. Germany*], где Суд установил, что эксклюзивное право на использование Интернет-домена представляет собой “собственность” [possession] в значении, придаваемом понятию в статье 1 Протокола № 1 к Конвенции»⁵². Судья Европейского Суда Зупанчич в устном высту-

плении на круглом столе Международной ассоциации конституционного права, проведенном Организацией сравнительных исследований конституций, свобод и государства Университета им. Монтескье (Бордо IV) 15—16 октября 2004 года, заметил, что даже при решении вопроса, относится ли дело к компетенции Европейского Суда, сами судьи главным образом обращаются не к тексту Конвенции, а к постановлениям Суда⁵³.

Таким образом, постановления в отношении Российской Федерации являются для нее юридически обязательными в плане резолютивной части (присуждения компенсации) и правовых позиций, а правовые позиции постановлений, вынесенных в отношении других государств, должны учитываться. Только использование такого подхода позволяет российским властям получить своего рода руководство к действию в определенной ситуации во избежание возможных нарушений и обвинительных постановлений в будущем.

Российское законодательство о статусе практики Европейского Суда

Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» (далее — Закон 1995 года) был принят в 1995 году в период между выражением Российской Федерацией намерения вступить в Совет Европы и непосредственно вступлением. Преамбула и часть 1 статьи 5 Закона повторяют конституционные положения относительно национального статуса международных договоров и устанавливают, что в соответствии с Конституцией РФ международные договоры являются составной частью правовой системы. Часть 2 статьи 5 тоже повторяет конституционное положение о возможном противоречии между нормами международного права и нормами российских законов. Что же касается четырех статей, составляющих раздел IV «Выполнение международных договоров Российской Федерации», то они интересны тем, что в качестве субъектов, обеспечивающих выполнение международных договоров, в них упоминаются Президент РФ, Правительство РФ, федеральные органы исполнительной ветви и органы государственной власти субъектов Российской Федерации (хотя понять из текста, в чем именно состоят функции указанных органов, сложно). При этом ни в раз-

деле IV, ни в иных положениях Закона ничего не говорится о полномочиях национальных судов по применению норм международных договоров. Отсутствие упоминания о применении международных договоров судами позволяет предположить, что данный Закон был разработан для таких международных договоров, которые не требуют вмешательства судебной власти в процесс их выполнения. То есть в основу Закона 1995 года положен упомянутый ранее принцип взаимности, в соответствии с которым индивиды не являются субъектами международного права, а значит, не могут выступать выгодополучателями по международному договору и, соответственно, не имеют права обращаться в судебные инстанции для принудительного исполнения соответствующих договорных обязательств. Таким образом, можно сделать вывод, что Закон 1995 года создавался для выполнения международных договоров, которые по своему содержанию не являются правозащитными, так как частные лица (физические или юридические лица) могут в судебном порядке требовать принудительного исполнения обязательств относительно соблюдения прав и свобод, закрепленных в международном договоре.

В 1996 году конституционные положения о статусе международного права были продублированы в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁵⁴ (далее — Закон 1996 года), регулирующем деятельность всех судов в Российской Федерации. В соответствии со статьей 3 этого Закона все суды обязаны применять общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации. В очередной раз Российская Федерация подчеркнула национальный статус международных договоров, ратифицированных Россией. Главным же является то, что впервые в российском законодательстве было сказано о применении норм международного права судами.

В 2001 и 2002 годах соответственно положения, аналогичные норме второго предложения части 4 статьи 15 Конституции РФ⁵⁵, были включены в часть 2 статьи 1 Гражданского процессуального кодекса РФ и часть 3 статьи 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ. До этого единственное положение, ка-

сающееся конфликта между нормами международного договора и национального права, содержалось в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР с изменениями от 7 августа 2000 года⁵⁶. Данное положение содержалось и в статье 64 Основ гражданского судопроизводства СССР. При этом Уголовный процессуальный кодекс РСФСР такого положения не содержал.

Серьезный шаг в направлении развития механизма применения норм международных договоров в национальной правовой системе был сделан в Федеральном законе от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»⁵⁷ (далее — Закон 1998 года). Хотя Конституция РФ 1993 года и многие другие акты национального законодательства содержат положения о национальном статусе международных договоров, практика интерпретации международных договоров органами, учрежденными международными договорами, не упоминалась в качестве источника права. В соответствии с последним параграфом статьи 1 Закона 1998 года Российская Федерация признает обязательной юрисдикцию Европейского Суда по правам человека в отношении толкования и применения Конвенции по делам, стороной в которых выступает Российская Федерация. Закон 1998 года был первым актом, который признал постановления международного суда по толкованию международного договора обязательными. Последний абзац статьи 1 гласит: «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации».

Остается ответить на вопрос, признает ли Российская Федерация правовые принципы, выработанные Европейским Судом в постановлениях и решениях в отношении других государств — участников Конвенции, юридически обязательными для органов власти Российской Федерации. Ссылка в Законе 1998 года на статью 46 Конвенции ограни-

чивает область обязательности прецедентной практики Суда для российских властей только теми постановлениями и решениями Суда, которые были вынесены в отношении Российской Федерации. Однако Конституционный Суд РФ истолковал часть 4 статьи 15 Конституции РФ таким образом, что вся практика Европейского Суда была признана источником российского права.

Позиции Конституционного Суда РФ в отношении статуса практики Европейского Суда

Конституционный Суд РФ внес значительный вклад в развитие принципа непосредственного применения норм международного права. Первое постановление Конституционного Суда относительно применения норм международного права в национальной правовой системе было принято 4 февраля 1992 года — Постановление № 2-П по делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР. Конституционный Суд постановил, что суды «обязаны также оценивать подлежащий применению закон с точки зрения его соответствия принципам и нормам международного права...» Вероятно, не является простым совпадением тот факт, что данное Постановление было вынесено спустя три месяца после направления Российской Федерацией Генеральному секретарю Совета Европы письма от 6 мая 1992 года, в котором выражалось желание России стать членом Совета Европы.

После принятия Конституции РФ 1993 года Конституционный Суд РФ вынес несколько важных постановлений, дав широкое толкование части 3 статьи 46, касающейся права обращения в международные органы. В Постановлении от 2 февраля 1996 года № 4-П по делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебrenникова⁵⁸ Конституционный Суд указал следующее: «Данное конституционное положение означает, что решения межгосударственных органов могут приводить к пересмот-

ру конкретных дел высшими судами Российской Федерации, и, следовательно, открывает дорогу для полномочий последних по повторному рассмотрению дела в целях изменения ранее состоявшихся по нему решений, в том числе принятых высшей внутригосударственной судебной инстанцией». Этот вывод Конституционного Суда идет намного дальше конституционного положения, согласно которому международные договоры являются частью российской правовой системы. Фактически Конституционный Суд признал решения международных судов, принятых в отношении России, юридическими основаниями, достаточными для пересмотра решений национальных судов. Другими словами — источниками российского права. Таким образом, решения российских судов могут быть пересмотрены на основании постановлений Европейского Суда по правам человека, вынесенных в отношении России. Это новый подход для Российской Федерации, страны континентальной системы права, где судебная практика, как правило, не рассматривается в качестве источника права.

Далее в том же постановлении Конституционный Суд развивает свое толкование положений Конституции, подчеркивая, что было бы нелогично отрицать указанные полномочия высших судебных инстанций Российской Федерации по пересмотру дел и изменению решений по ним, вынесенных в нарушение норм международного права, «в случаях, когда необходимость изменения судебных решений может быть выявлена без подключения межгосударственных органов». Таким образом, данное Постановление Конституционного Суда РФ «установило обязательство придавать непосредственное действие в национальном праве решениям международных органов, включая Европейский Суд по правам человека»⁵⁹. Оно предоставляет правовые основания для непосредственного применения норм международного права российскими судами и устанавливает их обязанность делать это, в том числе и до того, как конкретное дело дойдет до международного суда.

Скорее всего, в данном случае также не было совпадением то, что именно такая правовая позиция Суда была сформулирована в Постановлении, вынесенном всего за 26 дней до даты вступления России в Совет Европы. После присоединения к Совету Европы и

ратификации Конвенции аналогичные правовые принципы были отражены во многих других постановлениях Конституционного Суда РФ.

Следующие два постановления Конституционного Суда РФ нужно проанализировать вместе, чтобы понять прогресс, достигнутый в толковании конституционного принципа о национальном статусе международного права. В своем Постановлении от 25 января 2001 года № 1-П по делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова⁶⁰ (далее — дело Богданова) Конституционный Суд РФ в очередной раз подчеркнул значение части 4 статьи 15 Конституции РФ, указав, что Конвенция ратифицирована Российской Федерацией, вступила в силу на ее территории и, следовательно, является составной частью ее правовой системы. Конституционный Суд также отметил значение положения последнего параграфа статьи 1 Закона 1998 года о ратификации Конвенции, указав, что Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и обязалась привести правоприменительную, в том числе судебную, практику в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней.

Данное Постановление развивает толкование части 4 статьи 15 Конституции РФ, так как устанавливает, что в соответствии с этим конституционным положением Российская Федерация взяла на себя обязательство привести в соответствие с Конвенцией не только законодательство, но также судебную и другую практику национальной правовой системы, что является прямым признанием обязательства применять Конвенцию в национальных судах. Тем не менее Конституционный Суд РФ не уточнил, является ли признание юрисдикции Европейского Суда по правам человека принятием толкования Конвенции, в целом данного Судом, или только признанием юрисдикции Суда на рассмотрение жалоб против Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383,

387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакас-энерго», а также жалобами ряда граждан⁶¹ не ограничило обязательную юридическую силу прецедентной практики Европейского Суда только постановлениями, вынесенными в отношении Российской Федерации. Конституционный Суд признал, что лица, находящиеся под российской юрисдикцией, могут аргументировать свои дела в судах России на основании прецедентной практики Европейского Суда. По сравнению с делом Богданова Конституционный Суд пошел еще дальше, указав: «Ратифицируя Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов» (Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ). Таким образом, как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека — в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, — являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права». В отличие от законодателя Конституционный Суд РФ не ограничил юридическую силу постановлений Европейского Суда только делами, в которых Российская Федерация является стороной. Используемое Конституционным Судом выражение недвусмысленно говорит о том, что толкование Конвенции Европейским Судом по правам человека является обязательным для правоприменительных органов вне зависимости от того, в каком постановлении или решении находится то или иное толкование Конвенции. Конституционный Суд пришел к заключению, что, в дополнение к тексту Конвенции, решения Европей-

ского Суда составляют часть правовой системы Российской Федерации. Другими словами, решения Европейского Суда были признаны источниками российского права и правоприменительной практики, таким образом, они должны учитываться при рассмотрении дел российскими судами. Этот вывод, как представляется, полностью соответствует положениям пункта 1 статьи 32 «Компетенция Суда»⁶² и пункта 1 статьи 47 «Консультативные заключения» Конвенции.⁶³

Таким образом, Конституционный Суд РФ дал широкое толкование положению части 4 статьи 15 Конституции РФ, признав не только Конвенцию, но и прецедентную практику Европейского Суда составной частью российской правовой системы, источником российского права. Более того, правовая позиция Конституционного Суда РФ состоит в том, что при применении Конвенции суды должны учитывать (применять) все постановления Европейского Суда (не только вынесенные в отношении России), которые развивают толкование Конвенции. Российский Конституционный Суд следует данной практике и во многих своих постановлениях применяет постановления Европейского Суда, в том числе вынесенные против других стран.

Заключение

Присоединение России к Совету Европы было обоюдным политическим решением, при этом Россия вступила в организацию без соблюдения необходимых условий о соответствии национальной правовой системы европейским стандартам. Постепенно, до и после вступления, в российском законодательстве создавались условия для непосредственного применения гарантий Конвенции в национальной правовой системе.

Конституция РФ 1993 года готовилась под влиянием международных договоров по правам человека, включая тогда еще не ратифицированную Россией Конвенцию, и содержит полный каталог прав человека, а также принцип непосредственного применения норм международного права в национальной правовой системе. Конституция закрепила национальный статус всех ратифицированных международных договоров, а также их приоритет над национальным законодательством, но некоторая неопределенность относительно

конкретного места Конвенции в иерархической системе источников российского права осталась. Нет единства мнений о том, должна ли Конвенция превалировать над Конституцией РФ. Данный спор должна разрешить судебная практика. Конституция РФ также не урегулировала статус прецедентной практики международных судебных органов.

Что касается российского законодательства, то оно не только повторяет положения Конституции РФ, но и развивает их. Оно признало постановления Европейского Суда по правам человека юридически обязательными в целях толкования положений Конвенции, хотя перечень обязательных постановлений ограничен законодателем теми решениями, которые были вынесены по делам, в которых стороной являлась Россия.

Конституционные нормы и законодательные положения, регулирующие вопросы применения международных договоров, были далее развиты и истолкованы Конституционным Судом РФ. Несмотря на то что в научных кругах нет единого мнения по вопросу юридической силы практики Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд РФ дал широкую интерпретацию соответствующим положениям Конституции РФ и обязательствам Российской Федерации, вытекающим из ратификации Конвенции, указав, что при применении Конвенции российскими судами должны учитываться постановления Европейского Суда, вынесенные не только против России.

В связи с тем, что постановления Пленума Верховного Суда РФ по своей правовой природе отличаются от законодательства и судебной практики, играют особую роль в применении национального законодательства и Конвенции, исследование постановлений Пленума Верховного Суда РФ выходит за рамки настоящей статьи и представляет собой предмет для отдельного исследования.

Бурков Антон Леонидович — доктор юридических наук (Университет Кембриджа), член общественного объединения «Сутяжник» (Екатеринбург).

ab636@cantab.net

¹ Резолюция (92) 27 по Российской Федерации (принята Комитетом министров 25 июня 1992 года на 478-й встрече заместителей министров).

- ² «Каждый член Совета Европы должен признавать принцип верховенства права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под его юрисдикцией, должны пользоваться правами человека и основными свободами и искренне и активно сотрудничать во имя достижения цели Совета, определенной в главе I».
- ³ Резолюция (92) 27.
- ⁴ «Группа выдающихся юристов» (*Eminent Lawyers Group*) — группа экспертов по правам человека, созданная Советом Европы, с тем чтобы установить, соответствовал ли правовой порядок Российской Федерации стандартам прав человека Совета Европы, в целях рассмотрения вопроса о вступлении Российской Федерации в Совет Европы.
- ⁵ Report on the Conformity of the Legal Order of the Russian Federation with Council of Europe Standards / R. Bernhardt et al. Strasbourg, 1994; Bernhardt R. General Considerations on the Human Rights Situation in Russia // Human Rights Law Journal. Vol. 15. 1994. No. 7. P. 287.
- ⁶ Европейский суд по правам человека и защита свободы слова в России: прецеденты, анализ, рекомендации. Т. 2 / Под ред. Г. В. Винокурова, А. Г. Рихтера, В. В. Чернышова. М., 2004. (Журналистика и право. Вып. 43). С. 583–584; <http://www.medialaw.ru/article10/7/2.htm>.
- ⁷ См.: Janis M. Russia and the «Legality» of Strasbourg Law // European Journal of International Law. Vol. 8. 1997. No. 1. P. 93.
- ⁸ Описание дебатов см.: Право Совета Европы и Россия: Сборник документов и материалов / Под ред. И. П. Скворцова. М., 1996. С. 5–22, 71–81, 95–117.
- ⁹ Brownlie I. Basic Documents on Human Rights. 3rd ed. Oxford, 1992. P. 325.
- ¹⁰ Из стенограммы заседания Государственной Думы РФ 16 февраля 1996 года Обсуждение вопроса «О принятии России в Совет Европы» // Право Совета Европы и Россия: Сборник документов и материалов / Под ред. И. П. Скворцова. С. 103.
- ¹¹ Bowring B. Russia's Accession to the Council of Europe and Human Rights: Compliance or Cross-Purposes? // European Human Rights Law Review. 1997. No. 6. P. 632.
- ¹² См.: Государственная Дума. Из стенограммы заседания 16 февраля 1996 года. Обсуждение вопроса «О принятии России в Совет Европы» // Право Совета Европы и Россия: Сборник документов и материалов / Под ред. И. П. Скворцова. С. 104.
- ¹³ Bowring B. Op. cit. P. 634.
- ¹⁴ Muehleman E. Report on Russia's Request for Membership of the Council of Europe // Human Rights Law Journal. 1996. Vol. 17. Nos. 3–6. P. 194.
- ¹⁵ Отрывки из дебатов см.: Bowring B. Op. cit. P. 632. Более подробное описание дебатов в ПАСЕ и голосования от 25 января 1996 года см.: Гломов С. А. Право Совета Европы и Россия: союз состоялся // Право Совета Европы и Россия: Сборник документов и материалов / Под ред. И. П. Скворцова. С. 6.
- ¹⁶ Bowring B. Op. cit. P. 632.
- ¹⁷ Гломов С. А. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁸ Janis M. Op. cit. P. 98.
- ¹⁹ Памфилова Э. А. Главная цель международного права — «принести права человека домой» // Применение европейской Конвенции о защите прав человека в судах России / Под ред. А. Л. Буркова. Екатеринбург, 2006. (Международная защита прав человека; Вып. 6). С. 10 (<http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>).
- ²⁰ См.: Application no. 5310/71, Ireland v. the United Kingdom, Judgment of 18 January 1978, Series A no. 25. Para. 239.
- ²¹ Деменева А. В. Европейский Суд: панацея от всех бед? // Судебная защита прав граждан в ее наиболее эффективных формах: Материалы науч.-практ. конф. / Под ред. А. Л. Буркова. Екатеринбург, 2003. С. 36 (http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/sud_zaschita.pdf).
- ²² Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации (сравнительный анализ). Н (98) 7, 1998. С. 10.
- ²³ Эта аналогия была отмечена в сравнительном анализе 1998 года, подготовленном российскими правоведами по запросу Совета Европы. См.: Там же.
- ²⁴ Report on the Conformity of the Legal Order of the Russian Federation with Council of Europe Standards; Bernhardt R. General Considerations on the Human Rights Situation in Russia. P. 250.
- ²⁵ «Законы подлежат официально опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».
- ²⁶ Российская газета. 1998. 7 апреля.

- ²⁷ *Lukashuk I.* Russia's Conception of International Law // *The Parker School Journal of East European Law*. Vol. 2. 1995. No. 1. P. 14.
- ²⁸ *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice // *European Journal of International Law*. Vol. 10. 1999. No. 1. P. 51–69, 53.
- ²⁹ *Lukashuk I.* Op. cit. P. 14.
- ³⁰ *Марочкин С.Ю.* Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998. С. 31.
- ³¹ Аналогичные положения закреплены в части 2 статьи 1 Гражданского процессуального кодекса РФ и части 3 статьи 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ.
- ³² *Danilenko G.* The New Russian Constitution and International Law // *American Journal of International Law*. Vol. 88. 1994. No. 3. P. 466.
- ³³ «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».
- ³⁴ См.: Комментарий к Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации» / Под ред. В. П. Звекова, В. И. Осминина. М., 1996. С. 17; *Butler W.E.* The Russian Law of Treaties. London, 1997. P. 26. Цит по: *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 64.
- ³⁵ См.: *Лукашук И.И.* Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 39–40. Цит по: *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 64.
- ³⁶ *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 64.
- ³⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.
- ³⁸ «Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке» (статья 22 «Особый порядок выражения согласия на обязательность для Российской Федерации международных договоров»).
- ³⁹ Application no. 74025/01, *Hirst v. the United Kingdom (No. 2)* [GC], Judgment of 6 October 2005.
- ⁴⁰ *Коропеев К.* Право голоса для заключенных: опасность конституционных ограничений // Бюллетень Мемориал–EHRAC. 2005. № 3. С. 14.
- ⁴¹ «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти».
- ⁴² См.: *Коропеев К.* Указ. соч.
- ⁴³ *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 68.
- ⁴⁴ *Кожеев Я.С.* О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10.10.2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Журнал международного частного права. 2004. № 1 (43). С. 9. Формулировка российского законодательства и судебной практики доказывает, что термин «должен учитываться» часто означает «юридически обязательный» характер положения. Этот вопрос рассматривается ниже.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Зимненко Б.Л.* Решения Европейского Суда по правам человека и правовая система Российской Федерации // Московский журнал международного права. 2004. № 2. С. 79–80.
- ⁴⁷ *Human Rights in National and International Law: The Proceedings of the Second International Conference on the European Convention on Human Rights Held in Vienna under the Auspices of the Council of Europe and the University of Vienna, 18–20 October 1965* / Ed. by A. H. Robertson. Manchester, 1970. P. 134.
- ⁴⁸ См.: *Ibid.* P. 100.
- ⁴⁹ *Yearbook of the European Convention on Human Rights. 1961* / The European Commission; European Court of Human Rights. The Hague, 1962. P. 138.
- ⁵⁰ Application no. 5856/72, *Tyrer v. the United Kingdom*, Judgment of 25 April 1978, Series A no. 26, P. 15–16, Para. 31.
- ⁵¹ См.: Application no. 53924/00, *Vo v. France*, Judgment of 8 July 2004. Para. 82.
- ⁵² Foreword by the Registrar on the Occasion of the 100th Issue of the Case-Law of the Court Information Note No. 100 August/September 2007.
- ⁵³ Интервью с профессором Кембриджского университета Давидом Фелдманом (*David Feldman*) от 10 марта 2006 года.

- ⁵⁴ Российская газета. 1997. 6 января.
- ⁵⁵ «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».
- ⁵⁶ Это положение было введено в абзац 4 статьи 1 Кодекса Федеральным законом от 7 августа 2000 года № 120-ФЗ.
- ⁵⁷ Российская газета. 1998. 7 апреля.
- ⁵⁸ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 2.
- ⁵⁹ *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 68.
- ⁶⁰ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 3.
- ⁶¹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 1.
- ⁶² «В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47».
- ⁶³ «Суд может по просьбе Комитета министров выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции и Протоколов к ней».